Коварный клеветник, сплетая небылицу,
Напишет нам из ней он целую страницу:

«*Клеветник* и после указательного местоимения *ОН*. Где есть лицо, образующее смысл, там уже не свойственно местоимение», — замечает Любослов (там же).

Уже по этим рассмотренным в самых общих чертах замечаниям на сочинения Державина и княгини Дашковой можно судить об уровне требований, какие критик предъявлял к литературному языку. Это все та же установка на строгое соблюдение грамматических правил и ясности выражения художественного смысла с явным тяготениям к нормам, утверждавшимся «Риторикой» Ломоносова. В то же время неоднократное цитирование в статье стихотворной сатиры 1760-х гг., высмеивавшей устарелые штампы церковнославянизмов, свойственные стилю Тредиаковского, позволяет сближать позицию Любослова с отдельными положениями критических статей Сумарокова периода его борьбы с выспренностью одического стиля Ломоносова.

Аналогичную позицию сторонника безупречной чистоты логического выражения художественной мысли занимал и «Невежда». Показательно его замечание к следующему двустишию державинской «Фелицы»:

Да дел твоих в потомстве звуки
Как в небе звезды возблестят.

«Звуки блистать не могут, — пишет критик, — звездам свойственно блистать, а звукам греметь. Я думаю, что все метафоры должны быть основаны на возможности действительной или мысленной» (IV, 14). И характерно, что, отвечая на это замечание «Невежды», Державин также ссылается для доказательства своей правоты на примеры того же Ломоносова: «В натуральном смысле, конечно, звезды блистают, а звуки звучат, но в витиеватом или фигуральном, а особливо Стихотворцы в пренесении одного свойства другому, несвойственному или совсем противному, то есть в метафорах обыкновенно говорят, например: вместо славные дела отличаются, *славные дела блистают*, *красота сияет*, *пламень жрет*, *земля стонет*, хотя первые лучей, второй зева, а третья гласу не имеют, подобно как брега рук; а господин Ломоносов написал: *брега Невы руками плещут*...» (там же). Державин еще остается сторонником той системы метафоризации одического стиля, которая была введена в русскую поэзию Ломоносовым, хотя сами принципы панегирического восхваления дел монарха, примененные им в «Фелице», были